

Н.А. БЕРДЯЕВ О ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

ИНЕССА МОРОЗОВА

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии
Центр социально-философских и антропологических исследований
ул. Сурганова 1/2, 220072, г. Минск, Беларусь
e-mail: inesmorozova@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3566-331X>
(получено 24.08.2019; принято 22.09.2019)

Abstract

N.A. Berdyaev about the Personality and Work of K.N. Leontyev

The paper presents an analysis of Berdyaev's perception of Leontyev's system of philosophical, aesthetic and religious views, taking into account the evolution of his thinking, the controversial and extraordinary personality of Leontyev in the context of social realities of the second half of the 19th century and in the context of theoretical constructions of representatives of Russian idealistic philosophy.

Key words: personality, aesthetics independent on morality, aesthetics, conservatism, religiosity

Резюме

В статье представлен анализ восприятия Н. Бердяевым системы философских, эстетических, религиозных взглядов К. Леонтьева, с учетом эволюции его мышления, противоречивой и неординарной личности К. Леонтьева в контексте общественных реалий второй половины XIX века и в контексте теоретических построений представителей русской идеалистической философии.

Ключевые слова: личность, внеморальный эстетизм, эстетика, консерватизм, религиозность

К 145-летию со дня рождения Н.А. Бердяева

Известный русский философ XX века Н.А. Бердяев, многообразное творческое наследие которого насчитывает почти 500 работ различного уровня, переведенных на двадцать языков мира, неоднократно обращался к личности и творчеству К.Н. Леонтьева, достаточно противоречивого и неординарного представителя русской общественно-политической, литературной и философской мысли второй половины XIX столетия, высоко ценимого целой плеядой выдающихся мыслителей русской идеалистической философии, среди которых В. Розанов, Вл. Соловьев, С. Булгаков, П. Струве, В. Зеньковский и многие другие. Сам факт такого обращения к творчеству Леонтьева свидетельствует об огромном интеллектуальном потенциале этого парадоксального и, несомненно, одаренного представителя XIX века, для которого он был мало характерен в своей неповторимо индивидуальной явленности и самобытности. Поиск духовных, социальных и эстетических ориентиров определяет принадлежность Леонтьева к кругу трагических фигур минувшей эпохи, чье многогранное творческое наследие не вписывается в рамки своего времени, беспощадно отвергнутого слишком смелые и неординарные утверждения преждевременного мыслителя. Суждения Леонтьева, произнесенные более ста лет тому назад и обращенные, безусловно, к реалиям социокультурного процесса XIX века, не утратили своей актуальности для нынешних поколений, о чем свидетельствует тот факт, что его имя уже более тридцати лет активно фигурирует в исследовательской практике. Но открытие Леонтьева принадлежит именно представителям русского религиозно-философского ренессанса, которых притягивала его сложная и антиномичная система мировоззрения, и Бердяев здесь не является первооткрывателем.

Именно Розанов, фактически открывший Леонтьева для последующих поколений, создал ряд статей о личности и творчестве писателя. Ценность наблюдений Розанова заключается в том, что в них определены основные элементы мировоззрения Леонтьева (натурализм, эстетизм, религиозность), выявлены отличия леонтьевских идей от славянофильской традиции и историософии Н. Данилевского (Розанов 1990: 296), отмечены точки соприкосновения с Ф. Ницше и Т. Карлейлем (Розанов 1995: 517). Розанов пронизательно усматривает в Леонтьеве предшественника неоромантических течений рубежа XIX-XX веков, преждевременность и невписываемость Леонтьева в схему общественных и эстетических течений и направлений XIX века. И, конечно, вполне понятно и объяснимо, принимая во внимание сложный комплекс мировоззрения Леонтьева, утверждение Розанова в начале XX века:

(...) время его придет. И, вот, когда оно «придет», Леонтьев в сфере мышления, наверное, будет поставлен впереди своего века и будет «заглавною головою» всего у нас XIX столе-

тия (...). В нем есть именно мировой оттенок, а не только русский. Собственно, он будет оценен, когда кончится «наш век», «наша эпоха», с ее страстями, похотями и предрассудками (...). Леонтьев был именно «пифагорец нового века», вот будущего века, вот грядущего века (Розанов 1995: 656).

Весьма ценными представляются суждения Вл. Соловьева, отличающиеся строгим академизмом, на которые будет ссылаться Бердяев, выстраивая теоретические умозаключения по осмыслению леонтьевского наследия. Соловьев, близко знавший Леонтьева и высоко оценивавший его интеллектуальное дарование, в статье, написанной для Энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Ефрона, в сжатой форме классифицирует основные положения мировоззрения Леонтьева, выявляет специфику леонтьевского «охранения» и отличие его от традиционного славянофильства и официального консерватизма. Соловьев, так же как и Розанов, усматривает в Леонтьеве, эстете и имморалисте, предшественника Ницше, однако констатирует весьма спорное утверждение об отсутствии цельности в мировоззрении Леонтьева (Соловьев 1993: 322).

Не менее важными в понимании сложного комплекса леонтьевских идей следует признать наблюдения и Булгакова, причислившего Леонтьева за независимость и свободу интеллекта к числу самых передовых умов в Европе. Более всего философа интересует эстетизм Леонтьева, рассматриваемый как главенствующий принцип его мироощущения, определяющий именно европейское, а не русское начало в Леонтьеве. По мнению Булгакова, стремление Леонтьева «стать по ту сторону добра и зла» выделяет его из всей русской общественной мысли, сближая с позицией Ницше и определяя его реакционность, приводящую к совершаемому в Леонтьеве кризису новой культуры, который осознается как «эстетический мятеж против обмещавшего века» (Булгаков 1993: 2: 561).

Безусловно, наследие представителей русского религиозно-философского ренессанса является научной основой, точкой отсчета для развития леонтьеведения. Синтезированная, антиномичная система мировоззрения мыслителя, его «футуро-эсхатология» привлекала пристальное внимание религиозных философов, вызывая полярные оценки и суждения. И, вне всякого сомнения, именно Бердяеву принадлежит пальма первенства, ведущее место в изучении творческого наследия Леонтьева. В начале XX столетия Бердяев предпринимает первую попытку осмысления мировоззрения писателя в статье К. Леонтьев – философ реакционной романтики. В ней Бердяев не только повторяет, или, точнее, систематизирует данные до него определения основных мировоззренческих положений Леонтьева – его реакционный романтизм и эстетизм, византизм и ницшеанство, религиозный аскетизм и пр., но и подвергает критике отдельные установки, пропуская через призму собственной концепции мировосприятия. Подобная критика приводит к отрицанию религии «страха» Леонтьева и христианства «трансцендентного эгоизма», т. е. спасительного только для собственной души; к неприятию и осознанию несостоятельности натуралистического метода в историсофских построениях Леонтьева (Бердяев 1994: 2: 255).

В 1926 г. выходит в свет одна из самых интереснейших книг о мыслителе Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли), написанная Бердяевым в жанре философской биографии, являющаяся существенным вкладом в развитие леонтьеведения и по сей день остающаяся ценным теоретическим источником для ученых. В ней, наряду с освещением фактов основных жизненных этапов Леонтьева, осуществлен серьезнейший анализ историко-философских, культурологических, эстетических, литературных и политических взглядов, дана блистательная характеристика сложной и неординарной личности, вскрыты причины драматической судьбы талантливого представителя ушедшего столетия. Это был человек, прекрасно осознающий свою внешнюю привлекательность, одаренность и тонкий вкус; самолюбивый и тщеславный, смелый и бескомпромиссный в поступках и словах, жизненное и творческое кредо которого определяют двумя словами – против течения. Исключительность жизни этого человека определялась потребностью «разрешить проблему личной судьбы» (Бердяев 1991: 1: 151), для которого субъективное гораздо важнее любых объективных реалий, что и вызовет пристальный интерес Бердяева:

Он занят самим собой перед лицом вечности. Поэтому он не находит себе места, меняет профессии, не может ни на чем успокоиться. Он то врач, то консул, то литератор, то цензор, то монах. Он решает объективные вопросы в связи с субъективным вопросом своей судьбы. Стиль его жизни, стиль его писаний совершенно объективный. Он из тех, для кого субъективное и объективное отождествляются. Такие люди особенно интересны (Бердяев 1991: 1: 151).

Неудивительно, что личность Леонтьева вызовет самые противоречивые оценки: от восторженных и лестных до уничижительных и резко отрицательных, но суть в том, что все они свидетельствуют о сложной, трагической фигуре в истории русской литературы и общественной мысли второй половины XIX века, о чем неоднократно выскажутся писавшие о Леонтьеве. Однако демонстративное противостояние устоявшемуся общественному мнению, безапелляционность выводов и суждений, дерзкое нарушение традиционности порождает умственное одиночество и непонимание, болезненно ощущаемое Леонтьевым. Общественное мнение брезгливо отбросит немодные сентенции Леонтьева, подписав приговор отчуждения и безызвестности. Существование Леонтьева (до 40 лет) в реальной жизни находилось в границах неморального эстетизма и романтизма, где нравственный критерий растворялся в эстетическом, усиливая тем самым леонтьевское противостояние социуму. Эстетическая система ценностей Леонтьева, так называемый неморальный эстетизм является основополагающим для развития целого спектра его разнохарактерных и разномасштабных воззрений, будь то общественно-политических, культурно-исторических или религиозных, трансформированных в философско-публицистическом и художественном наследии.

Придавая универсальный характер эстетическому, Леонтьев определяет доминирующий и основополагающий критерий совершенства явлений – красоту. Он настойчиво постулирует самоценность красоты как главной категории эстетики. Леонтьев отбрасывает нравственный компонент в эстетическом критерии

(красота для него – вне нравственности, она нейтральна), разграничивая моральный и эстетический уровни, «оказываясь в плену секулярного эстетизма, т. е. отделившегося от этики», декларируя принципы внеморального эстетизма. Общим законом красоты, по Леонтьеву, является «разнообразие в единстве», что вплотную подводит его эстетическую позицию, точнее, неразрывно связывает с декларируемым принципом неравенства. Критерий неравенства, сословности, эта своеобразная «метафизическая интуиция об иерархии человеческого бытия» столь же универсален и приложим ко всему у Леонтьева, сколь универсален эстетический критерий. Нарушение «антропологической истины» неравенства воспринимается Леонтьевым катастрофически-губительным в онтологическом плане. «(...) Сословный строй, неравноправность граждан, разделение их на неравноправные слои и общественные группы есть нормальное состояние человечества», – полагает мыслитель, и именно отсюда исходит его «эстетическое неприятие буржуазной действительности» (Леонтьев 1993: 166), сближающее Леонтьева с представителями западноевропейского романтизма.

Нравственное, этическое в онтологическом плане Леонтьев не отрицает, в его системе ценностей нет места утилитарной морали, ибо именно в ней он усматривает некую безнравственность. Выпадение морального начала, а точнее примат эстетического над этическим, расширяет границы приемлемости прекрасного, эстетически привлекательными для Леонтьева становятся трагическое и демоническое, различные проявления силы, все героическое, выдающееся, что сближает его с Карлейлем, Гобино, Ницше, Рескиным. Эстетический дуализм Леонтьева расценят как «эстетическое изуверство», «пессимистический аморализм» (Франк 1993: 354), с чем принципиально не согласится Бердяев: «(...) с более глубокой точки зрения ни К.Н., ни Ницше не были аморалистами. В конце концов, К.Н. видел в красоте добро, а в уродстве – зло» (Бердяев 1991: 1: 199), усматривая проповедь Леонтьевым и Ницше особой, аристократической морали, «морали жизни в красоте».

Бердяев выявляет в Леонтьеве наличие целого ряда черт, присущих именно западному типу, а не исконно русскому (эстет, романтик, аристократ, не народник и не националист, обладающий натуралистическим мышлением, латинской ясностью и четкостью мысли) (Бердяев 1991: 1: 150), усложняющих, по мнению философа, понимание и признание Леонтьева среди кругов российской интеллигенции второй половины XIX века, разъединяющих Леонтьева со славянофильством и народничеством и выводящих его за рамки XIX столетия, определяя исключительность положения вне школ и направлений. По мнению Бердяева, Леонтьев не только не разделял традиционно-славянофильского отрицательного отношения к католицизму, но имел положительные католические симпатии, которые под конец у него возросли. Ему нравится религиозный фанатизм католиков, их крепость и активность в отношении к своей вере. Католики «и нам могут служить добрым примером». Он считает «католиков очень полезными не только для всей Европы, но и для России».

Бердяев определит Леонтьева далеко стоящим от славянофильства, ибо, по мнению философа,

у него другое понимание христианства, не допускающее никаких гуманитарных элементов, другая мораль, аристократическая мораль силы, он совсем не верил в народ, совершенно отрицательно относился к национализму, он совсем не народник, славянофилы же были народниками, натуралистическая социология переходит у него в апокалиптику и оценки эстетические совпадают у него с оценками религиозными (Бердяев 2001: 97).

Поэтому, относя Леонтьева (с известной долей условности) к представителям славянофильской ориентации, исследователи отмечают, что Леонтьев занимает особое, промежуточное положение, всегда – «над», пытаясь синтезировать теоретические построения различных направлений. А. Янов в крупной концептуальной работе рассматривает отношение Леонтьева к славянофильству и определяет его место в истории русского консерватизма. Ученый скрупулезно анализирует историософскую концепцию Леонтьева, выявляет существенные отличия основных ее положений от славянофильской традиции, развиваемых, по мнению Янова, в русле утопического консерватизма, и определяет Леонтьева антиподом национализма и славянофильства (Янов 1969: 102), следуя в своих оценках за Бердяевым.

Бердяев считает Леонтьева реакционным романтиком, отвергающим европейский буржуазный эгалитаризм и эвдемонизм, определяет влияние А. Герцена, Н. Данилевского и Вл. Соловьева на формирование мировоззрения Леонтьева, выявляет точки соприкосновения с позицией П. Чаадаева в понимании проблемы исторических перспектив развития России, усматривает в Леонтьеве предшественника О. Шпенглера и Ницше, признает автономность натуралистических, эстетических и религиозных мотивов в мирозерцании Леонтьева и определяет дуалистическим тип его религиозности, не имеющий основания претендовать на истинно христианский.

Струве, полемизируя с Бердяевым, считает Леонтьева выразителем именно истинного православного христианства, в отличие от Достоевского и Соловьева, находит точки соприкосновения с религиозным пессимизмом Н. Гоголя, проницательно усматривает в историософских построениях Леонтьева близость с «западничеством» И. Тургенева и Чаадаева (Струве 1992: 95). Примечательно обращение к наследию Леонтьева Г. Флоровского, который находит в эстетизме Леонтьева латинские, западные мотивы (параллель с Л. Блуа), расценивает Леонтьева замкнутым в границах романтического натурализма, продолжающего традиции Ап. Григорьева, определяет близость натуралистической историософии Леонтьева с морфологией истории Вл. Одоевского, Герцена и Данилевского (Флоровский 1991: 203–204), расширяя и уточняя тем самым наблюдения Бердяева.

Особенно важным представляется иной взгляд Бердяева на имморализм Леонтьева и Ницше, понимаемый как проявление совершенно другой морали, морали ценностей, а не морали человеческого блага. Бердяевский тезис «сверхличная ценность выше личного блага» (Бердяев 1991: I: 203), открывает перспективу качественно нового подхода к решению столь сложной проблемы и подрывает незыблемость устоявшихся схем. Важно отметить, что современный исследователь А. Корольков расценивает леонтьевский эстетизм чужеродным западно-европейскому романтизму, более оптимистически окрашенному, полемизируя

тем самым с Бердяевым и целым рядом исследователей. Автор проницательно указывает на факт открытия Леонтьевым эстетических, этических и социальных норм, которые еще пробивают себе дорогу в современной науке и требуют объективных оценок (Корольков 1991: 60).

А. Сивак стремится развенчать устоявшиеся штампы в отношении Леонтьева и отбросить «устаревшие» оценки Бердяева. Так, выявляя специфику консерватизма Леонтьева (в первую очередь именно область общественно-политических взглядов), Сивак верно указывает на точки соприкосновения с позициями М. Каткова и других представителей консервативной мысли России и оспаривает мнение Бердяева относительно интеллектуально-философского одиночества и оригинальности Леонтьева (Сивак 1991: 15). Однако, не признавая имморализм Леонтьева и призывая по-новому рассматривать его «мораль ценностей», что очень важно и актуально, исследователь принимает точку зрения Бердяева и вступает в противоречие с самим собой, указывая на нетипичность, оригинальность и неписываемость Леонтьева в схему традиционных направлений. Думается, что такое «расщепление» неправомерно, поскольку только комплекс всех мировоззренческих установок того или иного писателя позволяет судить о принадлежности к тому или иному направлению.

Особое внимание философ уделяет рассмотрению литературного опыта Леонтьева, признавая за ним большое художественное дарование, невзирая на факт отсутствия художественной цельности в его произведениях. Бердяев определяет Леонтьева новым и оригинальным художником для своего времени, романтиком и реалистом с преобладанием эстетизма, стоящим в стороне от «большого пути» русской литературы («почти не русский художник»). Бердяев считает повесть *Исповедь мужа* лучшим художественным творением Леонтьева:

Очень тонкая вещь, новая по духу, в русской литературе единственная в своем роде. Она отражает очень тонкий эротизм сложной души, столь не похожей на людей шестидесятых годов, столь чуждой им. Психология любви человека средних лет к молодой девушке, согласие отказаться от неё и помочь её любви к другому – всё это описано с тонкостью и изяществом, почти не бывшими в русской литературе (Бердяев 1991: 1: 60).

На факт экзистенциальности творчества Леонтьева в современной исследовательской литературе указывалось неоднократно. Бердяев в своей фундаментальной работе также выделял отдельные экзистенциальные мотивы и проблемы, представленные у Леонтьева, однако не определял терминологически этот круг проблем в границах экзистенциальности. Общим местом в экзистенциальном мироощущении, как известно, является так называемая «пограничная ситуация», отражающая момент субъективного осмысления собственного одиночества и противопоставленности миру, вселенной. Леонтьев, в сущности, никогда из этой ситуации не выпадал, на протяжении всей своей жизни оставаясь одиноким мыслителем и художником. Умственное одиночество и непонимание порождалось демонстративным противостоянием устоявшемуся общественному мнению, безапелляционностью выводов и суждений, дерзким нарушением традиционности (особенно в области «морали»). В эпоху популяризации либеральных и демократических идей, отрицания эстетики, консерватизм и внемомо-

ральный эстетизм Леонтьева выглядят не модно, архаично, что и подчеркивает Бердяев.

Ю. Иваск, создавший концептуальное исследование, признанное в научных кругах самой лучшей фундаментальной творческой биографией Леонтьева, в которой скрупулезно рассматриваются в хронологической последовательности жизненные и творческие периоды литератора и в которой, можно считать, впервые представлен аспект взаимоотношений Леонтьева и Розанова (Иваск 1995). Следует указать, что выявление специфики мировоззрения Леонтьева (эстетизм, натурализм, реакционный романтизм и т.д.) и проведение параллелей (Ницше, Карлейль, Рескин и др.) основано у Иваска на теоретических концепциях религиозных философов рубежа веков, особенно на построениях Бердяева, и в этом отношении он не предлагает новых подходов.

Бердяев неоднократно обращается к личности и наследию Леонтьева на протяжении всей своей творческой деятельности. В более позднем сочинении Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века (Бердяев 2001) философ значительное внимание уделяет рассмотрению комплекса леонтьевских идей, развивая и углубляя прежние свои оценки и суждения, что, в свою очередь, способствует формированию ясного и наиболее полного представления о месте и роли Леонтьева в общественной мысли XIX столетия. Нужно отметить, что тема «Россия и Европа» является существеннейшей для Леонтьева. Таковы реалии эпохи, в которой он живет и творит:

Борьба России и Европы, Востока и Запада представлялась борьбой духа с бездушием, религиозной культуры с безрелигиозной цивилизацией. Хотели верить, что Россия не пойдет путем цивилизации, что у нее будет свой путь, своя судьба, что в России только и возможна еще культура на религиозной основе, подлинная духовная культура. В русском сознании очень остро ставилась эта тема (Бердяев 1990: 162).

Леонтьев отстаивал идею византизма, в основе которой – самодержавие, церковное православие и дисциплина. В отношении развития России он предлагает схему, включенную, по определению современных исследователей (следующих за Бердяевым), в так называемый гептастилизм (Фетисенко 2012: 82), т. е. своеобразное семистолпие будущего культурного развития России; вот основных пять пунктов этой схемы:

1) Государство должно быть пестрым, сложным, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще сурово, иногда и до свирепости. 2) Церковь должна быть независимее нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна смягчать государственность, а не наоборот. 3) Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национально обособленном от Запада единстве. (Или совсем, например, не танцевать, а молиться Богу, а если танцевать, – то по-своему выдумать или развить народное до изящной утонченности и т. п.). 4) Законы, принципы власти должны быть строже; люди должны стараться быть лично добрее; одно уравновесит другое. 5) Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе (Леонтьев 1993: 385–386).

Культура для Леонтьева не мыслима без религиозных ценностей, без ореола святости и духовности. Это хорошо понимает Бердяев, неоднократно апеллировавший к выводам и оценкам Леонтьева: «Культура всегда духовна по своей

природе, не духовной может быть лишь цивилизация, культура же всегда связана со священным преданием, с культом предков» (Бердяев 2001: 570). Подчеркивая оригинальность леонтьевской мысли, считая Леонтьева одним из самых блестящих русских умов, Бердяев, тем не менее, безапелляционно констатирует:

Он отличался большой проницательностью (...). Он предвидел возможный декаданс культуры, он многое сказал раньше Ницше, Гобино, Шпенглера. У него была эсхатологическая направленность. Но следовать за Леонтьевым нельзя, его последователи делаются отвратительными (Бердяев 2001: 570).

Тем самым возводя на пьедестал духовное одиночество Леонтьева, которого Струве считал «огромным явлением русской духовной культуры, и знать о нем и его должен всякий, кто желает блести и ценить культуру» (Струве 1992: 97).

Таким образом, антиномичный мировоззренческий синтез Леонтьева и его эстетико-художественная платформа весьма скрупулезно проанализированы в концептуальных исследованиях Бердяева, убедительно подтвердившего неоспоримый факт того, что Леонтьев представляет собой оригинальную и довольно одинокую фигуру в истории русской литературы и общественной мысли, разнообразное творчество которого не вписывается в рамки ни текущего литературного процесса второй половины XIX века, ни конкретного направления общественно-научного знания в чистом виде, тем самым определяя основные константы современного леонтьеведения.

Библиография

- Ânov, A.L. (1969). Slavânofily i Konstantin Leont'ev. *Voprosy filosofii*, 8: 97–106 [Янов, А.Л. (1969). Славянофилы и Константин Леонтьев. *Вопросы философии*, 8: 97–106].
- Berdâev, N.A. (1991). *Konstantin Leont'ev: očerk iz istorii russkoj religioznoj žizni*. V: N.A. Berdâev o russkoj filosofii. Č.1. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta: 149–284 [Бердяев, Н.А. (1991). *Константин Леонтьев: очерк из истории русской религиозной жизни*. В: Н.А. Бердяев о русской философии. Ч.1. Свердловск: Издательство Уральского университета: 149–284].
- Berdâev, N.A. (1994). *K K. Leont'ev – filosof reakcionnoj romantiki*. V: *Filosofia tvorčestva, kul'tury i iskusstva*. T. 2. Moskva: Iskusstvo: 246–274 [Бердяев, Н.А. (1994). *К. Леонтьев – философ реакционной романтики*. В: *Философия творчества, культуры и искусства*. Т. 2. Москва: Искусство: 246–274].
- Berdâev, N.A. (2001). *Russkaâ ideâ*. V: *Vyzantizm y slavjanstvo. Velykij spor*. Moskva: ÈKSMO-Press [Бердяев, Н.А. (2001). *Русская идея*. В: *Византизм Vizantizm i slavânstvo. Velikij spor*. Москва: ЭКСМО-Пресс].
- Berdâev, N.A. (1990). *Smysl istorii*. Moskva: Mysl' [Бердяев, Н.А. (1990). *Смысл истории*. Москва: Мысль].
- Bulgakov, S.N. (1993). *Pobeditel' – Pobeždennyj: (sud'ba K.N. Leont'eva)*. V: *Sočineniâ v dvuh tomah*. T. 2. Moskva: Nauka: 546–563 [Булгаков, С.Н. (1993). *Победитель – Победенный: (судьба К.Н. Леонтьева)*. В: *Сочинения в двух томах*. Т. 2. Москва: Наука: 546–563].
- Fetisenko, O.L. (2012). *Geptastilisty: Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i učeniki*. Sankt-Peterburg: Puškinskij dom [Фетисенко, О.Л. (2012). *Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики*. Санкт-Петербург: Пушкинский дом].

- Florovskij, H.V. (1991). Evrazijskij soblazn. *Novyj mir*, 1: 180–211 [Флоровский, Г.В. (1991). Евразийский соблазн. *Новый мир*, 1: 180–211].
- Frank, S.L. (1993). *Mirosocerčanie Konstantina Leont'eva*. V: *K. Leont'ev, naš sovremennik*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Černyševa: 350–355 [Франк, С.Л. (1993). *Миросозерцание Константина Леонтьева*. В: *К. Леонтьев, наш современник*. Санкт-Петербург: Издательство Чернышева: 350–355].
- Ivask, Ū.P. (1995). *Konstantin Leont'ev (1831–1891). Žizn' i tvorčestvo*. V: *K. Leont'ev: pro et contra: ličnost' i tvorčestvo K. Leont'eva v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej: antologija*. Кн. 2. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta: 229–650 [Иваск, Ю.П. (1995). *Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество*. В: *К. Леонтьев: pro et contra: личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология*. Кн. 2. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института: 229–650].
- Koroľkov, A.A. (1991). *Proročestva Konstantina Leont'eva*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPBGU [Корольков, А.А. (1991). *Пророчества Константина Леонтьева*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ].
- Leont'ev, K.N. (1993). *Izbrannye pis'ma 1854–1891*. Sankt-Peterburg: Puškinskij fond [Леонтьев, К.Н. (1993). *Избранные письма 1854–1891*. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд].
- Rozanov, V.V. (1995). *Neocenimyj um*. V: *O pisatel'stve i pisateljah*. Moskva: Respublika: 651–657 [Розанов, В.В. (1995). *Неоценимый ум*. В: *О писательстве и писателях*. Москва: Республика: 651–657].
- Rozanov, V.V. (1990). *Pozdnie fazy slavânofilstva*. V: *Nesovmestimye kontrasty žitiâ*. Moskva: Iskustvo: 282–303 [Розанов, В.В. (1990). *Поздние фазы славянофильства*. В: *Несовместимые контрасты жития*. Москва: Искусство: 282–303].
- Sivak, A. (1991). *Konstantin Leont'ev*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta [Сивак, А. (1991). *Константин Леонтьев*. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета].
- Solov'ev, V.S. (1993). *Konstantin Leont'ev*. V: *K. Leont'ev, naš sovremennik*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Černyševa: 321–325 [Соловьев, В.С. (1993). *Константин Леонтьев*. В: *К. Леонтьев, наш современник*. Санкт-Петербург: Издательство Чернышева: 321–325].
- Struve, P. (1992). Konstantin Leont'ev. *Russkaja literatura*, 3: 93–97 [Струве, П. (1992). Константин Леонтьев. *Russkaâ literatura*, 3: 93–97].